

*Тер-Григорянц Анастасия Эрнестовна
Факультет права
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»
Россия, г. Москва
e-mail: ter_grig@mail.ru*

*Научный руководитель: Егорова Елена Витальевна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент Департамента систем судопроизводства и уголовного права
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»
Россия, г. Москва*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СТАТУСА ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: В данной статье на основе сравнительно-правового анализа корреспондирующих норм уголовно-процессуального законодательства, определяющих особенности правового статуса эксперта и специалиста как важнейших участников процесса доказывания, рассматривается ряд актуальных проблем и коллизий, возникающих в правоприменительной практики, и предлагаются возможные варианты их решения.

Ключевые слова: эксперт, специалист, доказывание, собрание доказательств, специальные знания, правовая коллизия.

*Ter-Grigoryants Anastasia Ernestovna
Faculty of Law
National Research University Higher School of Economics
Russia, Moscow*

*Scientific adviser: Egorova Elena Vitalievna
candidate of legal sciences, associate professor,
Associate Professor, Department of Judicial Systems and Criminal Law
National Research University Higher School of Economics
Russia, Moscow*

ABOUT SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF AN EXPERT AND A SPECIALIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: *In this article, based on a comparative legal analysis of the corresponding norms of criminal procedure legislation that determine the features of the legal status of an expert and a specialist as the most important participants in the proof process, a number of topical problems and conflicts arising in law enforcement practice are considered and possible solutions are proposed.*

Key words: expert, specialist, proving, collecting evidence, special knowledge, legal conflict.

В современных условиях с учетом появления новых криминальных вызовов и угроз, постоянного совершенствованием способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений, многие из которых носят высокотехнологичный характер, возрастает необходимость максимально широкого применения возможностей интенсивно развивающейся науки и техники. В первую очередь, речь идет об использовании специальных знаний, включая расширение возможностей справочно-консультативной формы, крайне востребованной с точки зрения реализации основополагающего принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве.

Совершенствование института специальных знаний в уголовном судопроизводстве становится объективной необходимостью, прежде всего, в связи с повышением общественной опасности отдельных видов преступлений. Ярким примером является продолжающийся рост преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе с использованием сети «Интернет» и средств мобильной связи [1]. Установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам указанных категорий, по объективным причинам невозможно без использования специальных знаний. В этом контексте важно определить четкие критерии для разграничения правовых статусов эксперта и специалиста.

Данные участники уголовного судопроизводства на законодательном уровне позиционируются как лица, обладающие специальными знаниями, что обусловлено наличием узкопрофильных профессиональных знаний и навыков в области науки, искусства или техники, которые целенаправленно могут быть использованы в ходе расследования и разрешения уголовного дела. Е.Р.

Россинская полагает, что главная задача использования специальных знаний в любом виде судопроизводства – это решение поставленных вопросов перед соответствующими лицами (экспертом и специалистом) [2, с. 147]. Однако, исходя из положений действующего законодательства, экспертом и специалистом может быть далеко не любое лицо, которое обладает специальными знаниями. Считать таковым можно именно то лицо, которое было задействовано в установленном законом порядке и не имеющее заинтересованности в исходе дела (с учётом наличия специальных знаний, приобретённых необходимой подготовкой).

Статус эксперта и специалиста в ходе расследования или судебного разбирательства принято ассоциировать с терминологической составляющей правосубъектности, так как, отталкиваясь от их функционального содержания, правоспособный эксперт (специалист) не может быть дееспособным. Тем не менее, некоторые учёные предлагают не рассматривать детально определения компетенции специалиста или специальных знаний эксперта без указания на сферу их применения, потому что возможность реализации уголовно-процессуальной правоспособности напрямую связано с наличием специальной правоспособности у эксперта или специалиста, который назначен, например, для дачи заключения [3, с. 39–40].

В этом случае именно наличие специальных познаний и навыков идентифицирует специальную процессуальную правоспособность специалиста и эксперта. Тем временем дееспособность детально рассматриваемых иных участников уголовного судопроизводства стоит считать также специальной, так как законодательство чётко ограничивает возможности участия в уголовном процессе лиц, которые обладают специальными знаниями. Данные ограничения связаны с наличием законодательно закреплённых оснований для применения процедуры отвода эксперта и специалиста от участия в ходе процесса (например, любая заинтересованность в исходе дела или родство с другими участниками).

В контексте системного рассмотрения процессуального статуса эксперта и специалиста предполагается его разграничение на некоторые элементы. Если

одна часть представителей научных кругов относит к такому процессуальному статусу только ответственность, права и обязанности, то другая часть считает необходимым дополнительно учитывать независимость и возможные способы ее защиты со стороны государства [4, с. 67]. Рассматривая производные особенности функциональной составляющей эксперта (специалиста) – деление предлагается проводить и на основе прав и обязанностей (или полномочий): исходя из степени общности на универсальные и специальные [5, с. 255] (те, которые применимы в рамках привлечения как участника уголовного судопроизводства).

Исходным звеном для полноценного обозначения статуса эксперта и специалиста в судопроизводстве следует, на наш взгляд, считать тот факт, что деятельность данных лиц, которые привлекаются в процесс в соответствии с действующим законодательством, является профессиональной. В отношении эксперта научная позиция складывается следующим образом: овладение специальностями высшего профессионального образования подчёркивает особенности развития общекультурных и профессиональных компетенций, потому что овладение экспертными навыками предопределяет обязательность надлежащей профессиональной подготовки [6, с. 40], не только наличие специальных познаний (как у специалиста). В таком случае данный подход будет способствовать более детальному определению роли эксперта в уголовном судопроизводстве и разделению его правового положения со статусом специалиста, что, предполагается, даст возможность полноценно реализовать свои функции каждому из этих субъектов [7, с. 141].

Анализ основных аспектов процессуального статуса эксперта и специалиста в отечественной уголовно-процессуальной системе показывает, что остаются дискуссионными вопросы отраслевого сходства и различия данных субъектов, исходя из присущих им прав и обязанностей, ответственности и иных критериев.

В доктрине нередко можно встретить предположения о причислении к критериям подобного разграничения объёма и уровня имеющихся специальных

познаний среди специалистов и экспертов. Однако подобная формулировка не способна полноценно отражать функциональные сходства и отличия, так как два, по большей части, однородных субъекта не могут характеризоваться исключительно уровнем компетентности между собой. В связи с этим стоит остановиться на детальном рассмотрении проблемных вопросов функционального содержания каждого из рассматриваемых участников судопроизводства в отдельности.

Так, одна из проблем вытекает из сложившейся судебной практики в этой области и основывается на запрете эксперта самостоятельно собирать материалы для дальнейшей экспертизы. Если в ходе расследования следователь назначает проведение экспертизы, то эксперт при самом проведении соответствующего экспертного исследования, обнаружив какие-либо элементы криминалистического характера (что, вполне вероятно, в дальнейшем может признано вещественным доказательством), в обязательном порядке фиксирует это в своём заключении. Затем данные элементы направляются на дальнейшее судебно-экспертное исследование для понимания природы его появления на данном конкретном объекте. Тем самым, фактически в ходе исследования эксперт может собирать вещественные доказательства, чему напрямую действует запрет на уровне уголовно-процессуального законодательства. Исходя из трактовки отдельных положений, осмотр необходимо проводить на месте обнаружения объекта, что фиксируется в протоколе осмотра и тогда все обнаруженные предметы напрямую приобщаются к материалам уголовного дела как потенциальные вещественные доказательства. В том же случае, когда соответствующие элементы возможно зафиксировать исключительно в лабораторных условиях, то необходимо присутствие следователя, который сможет оформить все процессуальные моменты в протоколе. Но регламентированная законом процедура на практике встречается с некоторыми сложностями: 1) любое обнаружение тех или иных элементов гораздо результативнее в рамках лабораторного исследования; 2) рассматриваемый процесс часто характеризуется длительностью проведения исследования, а

значит не всегда возможно присутствие следователя для своевременной фиксации обнаружения вещественных доказательств в протоколе; 3) как результат, затягивание процесса получения результатов исследования. Определённая доля коллизионных аспектов действительно разрешена наличием возможности в уголовно-процессуальном законодательстве получения образцов для исследования непосредственно экспертом в том случае, если это является составной частью судебно-следственной экспертизы; но вопрос относительно наличия права сбора доказательств в ходе исследований остаётся в этой части не закрытым. В какой-то степени отсутствие такого права по большей части делает работу эксперта в своей области только сложнее. С другой стороны, полноценное закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве права эксперта по сбору материалов повлечёт за собой и внесение изменений в устоявшийся процессуальный статус, потому что появится потребность отнесения данного субъекта уже не к «иным субъектам уголовного судопроизводства», а к стороне защиты или обвинения. Такие изменения приведут к серьёзным нарушениям правил по необходимости отсутствия любой заинтересованности эксперта в исходе уголовного дела и к вопросу об объективности экспертных заключений [8, с. 66].

Кроме того, проблемные аспекты связаны напрямую и с внесением изменений экспертом в вещественные доказательства при проведении исследования. Немалая часть судебно-экспертных исследований предполагает внесение тех или иных видоизменений в исследуемый объект, но на это, исходя из законодательства, необходима соответствующая санкция лица, который назначил данную экспертизу. Постоянная необходимость в направлении запросов создаёт сложности в работе судебного эксперта, потому как именно лица, которые не имеют специальных познаний в этой области (судьи, следователи и т.д.), полномочны давать соответствующие предписания, например, по важности определённых свойств или признаков объекта, которые стоило бы оставить без изменений. Здесь справедливо может стоять вопрос: насколько лицо, которое не обладает специальными знаниями, может надлежаще

оценить степень видоизменений в ходе исследования объекта. В этой связи некоторыми учёными-процессуалистами предлагается нормативно обозначить обязанность эксперта сохранять объекты исследования при каждой возможности. Интерпретировать такое положение предлагается как использование любой возможности по сохранению свойств и признаков объекта экспертного исследования, чтобы при необходимости это не препятствовало проведению любых других повторных или дополнительных исследований [9, С. 28]. Стоит обратить внимание и на тот аспект, что уголовно-процессуальным законодательством предусмотрена только процедура отвода эксперта, но нет никакой регламентации по наличию у эксперта права на самоотвод.

Переходя к анализу функционального содержания фигуры специалиста, стоит заметить, что первоначально категория сведущих лиц позиционировалась именно через такого субъекта как специалист. Только потом, с расширением перечня функциональных возможностей, сведущие лица начали значиться как категория экспертов. На данном этапе отечественного правового развития, на фоне развития государственных судебно-экспертных учреждений, в уголовном процессе специалист играет больше второстепенную роль (по сравнению с ролью эксперта в уголовном судопроизводстве) [10, с. 140]. Ранее проведенные социологические исследования показали следующие цифры среди опрошенных сотрудников следственного аппарата и органов дознания: около 84% полагают, что специалист выполняет вспомогательные функции; 70% заявило о справочной функции; такое же количество обозначило основной функцией консультативную; около половины, участвующих в опросе, говорили о разъясняющей функции; чуть более 40% выразили ожидания в работе от специалиста ориентирующей функции [11, с. 131].

Судебная практика и доктрина указывает на то, что основным назначением специалиста стоит считать дачу показаний и ответов на поставленные судом или участниками вопросы, а не привлечение к участию в следственных действиях. Более того, большая разница и в стадиях процесса, где заключение специалиста используется для расследования и разрешения дела: наиболее частой стадией

обращения за заключением считается этап самого судебного разбирательства, гораздо меньше на стадии предварительного расследования и реже всего только в случаях возбуждения уголовного дела [12, с. 151]. Заключение специалиста в большинстве своём является вспомогательным документом для назначения дальнейшей экспертизы, тем самым: во-первых, данное заключение может основываться на законных методах получения необходимой информации на основании показаний самих участников процесса и документов, которые используются в ходе расследования или рассмотрения дела; во-вторых, основным источником стоит считать надлежащее закрепление суждений специалиста в рамках имеющейся информации.

Данный источник может служить не только одним из элементов, на основании которого строится следственная версия с дальнейшим развитием в ходе расследования, но и в том числе может быть методом установления тех обстоятельств, которые в дальнейшем подлежат доказыванию.

Тем не менее, специалист имеет выигрышную позицию в плане возможностей привлечения к участию в рамках производства по уголовному делу. К примеру, отсутствие возбуждённого уголовного дела не даёт возможности органам предварительного следствия и дознания привлекать к участию в осмотре эксперта, поэтому в таких случаях привлекается специалист (процессуального запрета на его участие нет), специальные знания и навыки которого вполне могут принести необходимую помощь на данном этапе предварительного расследования. До того, как дело будет возбуждено, следователь достаточно ограничен в возможностях по выбору методов сбора доказательственной базы, потому в конкретно данный промежуток от специалиста по большей части зависит дальнейшая судьба по расследованию и рассмотрению уголовного дела.

Работа специалиста имеет особую важностью в рассматриваемых ситуациях, в том числе в ряде преступлений, которые связаны со сферой информационных технологий, когда во время осуществления проверки по наличию оснований для возбуждения дела очень большой шанс утери важной

информации.

Во многом отсутствие достаточной регламентации в законодательстве понятия специальных знаний, надлежащего определения правового статуса специалиста в уголовном процессе и, в том числе, структуры заключения специалиста также приводят к возникновению разного рода коллизий на практике и дискуссионным мнениям среди научного сообщества, единства среди которого не усматривается. В науке нередко встречается мнение о том, что привлечение специалиста к уголовному делу обусловлено отсутствием острой необходимости обращения к (процедурно) непростому механизму судебной экспертизы и, соответственно, на все необходимые вопросы суда или следствия можно ответить без проведения соответствующих исследований по экспертной процедуре [13, с. 92]. А значит, любое заключение специалиста представляется как консультация или предположения по тем вопросам, которые требуют специальных познаний, но не выводов по итогу проведения исследования.

Несмотря на то, что в отношении вопросов привлечения сторонами специалиста действует принцип состязательности, судебная практика складывается в этом отношении не самым оптимальным образом: суды часто выносят решения по недопущению приобщения доказательств к материалам уголовного дела, которые были получены стороной защиты при участии специалиста. Среди наиболее распространённых причин:

- получение доказательственной базы не через те действия, которые закреплены в процессуальном законодательстве;
- в своём заключении специалист даёт оценку проведённому исследованию эксперта;
- выводы, указанные в заключении, сделаны без проведения соответствующего исследования.

Отчасти причиной таких показателей кроется в отсутствии регламентированной в законодательстве процедуры по привлечению специалиста для участия в уголовном процессе, а также необходимых требований к процессуальной форме заключения. Такая проблема на практике

достаточно часто является и причиной апелляционных обжалований приговоров, в связи с отказом в удовлетворении ходатайств стороны защиты на привлечение специалиста, например, для опровержения выводов эксперта в заключении.

Детально проведённый анализ каждого из субъектов предоставляет возможность выделить наиболее значимые схожие и отличительные черты между ними:

1. Основной функцией при участии эксперта в судопроизводстве является проведение судебной экспертизы и дача заключения, а уже вспомогательными можно считать дачу соответствующих показаний (которые даются только при наличии заключения и строго в рамках его разъяснения). В целом, предназначение специалиста в ходе процесса гораздо объёмнее и сводится к участию в процессуальных действиях для получения доказательств, использованию разного рода технических средств и методов для исследования материалов, постановке необходимых уточняющих вопросов эксперту, ответам на вопросы (допросу), в рамках которых он компетентен давать разъяснения (в том числе и без заключения);

2. Различия в субъектах, которые правомочны привлекать специалиста и эксперта к уголовному делу: назначение судебной экспертизы производится по воле суда или следователя и дознавателя, привлечение же специалиста для исследования или дачи разъяснений возможно и участниками, не обладающими властными полномочиями (в первую очередь, стороной защиты);

3. В уголовном законодательстве имеется норма о наказуемых действиях, связанных с дачей заведомо ложных показаний или заключений экспертом и специалистом. Но если в отношении производства судебной экспертизы закон также предусматривает необходимость о предупреждении эксперта об ответственности, то в отношении специалиста такого законодательного предписания нет, что оставляет вопрос об ответственности специалиста в какой-то степени дискуссионным;

4. Результаты проведённого судебно-экспертного исследования оформляются в чётко определённом в законе порядке, в то время как порядок

фиксирования результатов некоторой деятельности специалиста (например, постановка вопросов перед экспертом или консультационная помощь) процессуальном законодательстве не отражается. Отчасти также и с самим заключением специалиста, однако в данном случае на практике придерживаются принципа максимально приближённого к заключению эксперта;

5. Схожая ситуация и с самим назначением экспертного исследования, основания и общие требования которого указываются в законодательстве. Тем не менее, порядок привлечения специалиста никак не описывается: единственное, где можно встретить описательные части процедуры проводимого исследования специалистом – в некоторых локальных актах на уровне правоохранительных органов.

Список литературы:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports> (дата обращения: 07.07.2022 г.).

2. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 735 с.

3. Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2014. 365 с.

4. Толоконников В.К. Проблемные вопросы процессуального статуса судебного эксперта и руководителя экспертного учреждения // Вестник СамГУ. 2011. № 2 (10). С. 66-68.

5. Лукошкина С.В. Эксперт как участник уголовного судопроизводства // В книге: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXII международной научно-практической конференции: в 2 томах. 2017. С. 250-256.

6. Галяшина Е.И. Феномен судебного речеведения: наука — экспертиза — обучение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12.

С. 38-44.

7. Комиссарова Я.В. К вопросу об основаниях разграничения процессуального статуса эксперта и специалиста как участников уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2017. № 5 (33). С. 135-142.

8. Михайлова Т.Н. Процессуальный статус эксперта в уголовном судопроизводстве России // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России, 2021. № 1 (11). С. 63-69.

9. Долженко Ю.В. Проблемы правового статуса эксперта как участника уголовного судопроизводства // В сборнике: «Применение специальных познаний в правоприменительной и профессиональной деятельности», сборник материалов региональной научно-практической конференции. Красноярск, 2020. С. 26-30.

10. Петина Д.А., Латыпов В.С. Проблемы участия специалиста в уголовном судопроизводстве России // В сборнике: Юридическая наука в современном мире: актуальные проблемы и перспективы развития. Уфа, 2021. С. 138-142.

11. Латыпов В.С. Участие специалиста в уголовном судопроизводстве России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 3 (19). С. 130-134.

12. Щукина Н.Е. Актуальные проблемы участия специалиста в уголовном судопроизводстве России // В сборнике: наука и современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 150-153.

13. Жданов С.П. Следственная практика об участии специалиста в уголовном судопроизводстве // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 2 (8). С. 91-95.